

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/4271168>

Монохромный мир

Направленность: Джен

Автор: [Shaman-QueenYu](https://ficbook.net/authors/35531) (<https://ficbook.net/authors/35531>)

Беты (редакторы): Morning Glory (<https://ficbook.net/authors/5359>)

Фэндом: Naruto

Пейринг или персонажи: Хьюга Хината, Хьюга Хиаши, мать Хинаты, мельком похитивший Хинату ниндзя Облака

Рейтинг: G

Жанры: Ангст, Экшн (action), Психология, Hurt/comfort, Пропущенная сцена

Размер: Мини, 7 страниц

Кол-во частей: 1

Статус: закончен

Описание:

Работа на ЗФБ-2016.

Бьякуган — улучшенный геном клана Хьюга, тайная сила, которая передаётся из поколения в поколение, от отца к сыну, от матери — к дочери. Обычно пробуждается, когда носителю три-четыре года. Но Хинате уже пять лет.

Посвящение:

Алиции Рэйвен)))

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Написано на ЗФБ-2016 :)

Вместо "Хиаши" - "Хияши" согласно требованиям на ЗФБ-2016 =)

Ждём Ваших комментариев!

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3
Примечание к части	9

Часть 1

Бьякуган — улучшенный геном клана Хьюга, тайная сила, которая передаётся из поколения в поколение, от отца к сыну, от матери — к дочери. Сидящая на кровати Хината, чуть сдвинув брови, внимательно посмотрела в глаза своему отражению, сжала серебряную раму овального зеркала немного сильнее прежнего. Она видела, как выглядит активированное додзюцу Хьюг, бесчисленное множество раз, но её лицо ещё никогда не искажалось взбухающими у глаз сосудами.

А ведь ей исполнилось уже пять лет.

Это почему-то настораживало отца, и сегодня Хината узнала, почему. Осматривавший её сегодня врач и сам был Хьюгой, то есть наверняка разбирался в хитростях использования Бьякугана. Применяя додзюцу, он осмотрел наследницу клана, смиренно сидящую перед ним на стульчике: касался кончиками пальцев висков, несильно нажимал, и внутрь — даже маленькая девочка это чувствовала — вливалась чужая чакра. Это как... держать руки в тёплой воде, привыкнуть к ней и почти не замечать, а потом ощутить, как часть её холодеет, сливаясь с новым, свежим потоком.

— Хияши-сама, ваша дочь абсолютно здорова, — отняв от висков пациентки руки, повернулся медик к стоящему рядом отцу. — Причина её отсталости, скорее всего, не в физическом состоянии.

— Обычно Бьякуган пробуждается, когда носителю три-четыре года, — невозмутимо отвечал, казалось, совершенно спокойный отец. — Но Хинате уже пять лет.

— Здесь я бессилён, Хияши-сама. Требуется полный осмотр...

В негромком разговоре взрослых мелькали незнакомые пятилетнему ребёнку слова — «психологическая подготовка», «закаливание Бьякугана», «врождённый дефект»... и Хината, какое-то время пытавшаяся понять, о чём речь, в конце концов сдалась. Но слова отца о Бьякугане задели её и никак не оставляли в покое.

Почему-то эти слова маленькой Хьюге не понравились, вызвали в душе неуютное чувство собственной слабости, прямо как тогда, когда Неджи-нии-сан на тренировке впервые опрокинул её на пол и с яростным криком попытался ударить.

Девочка поёжилась от неприятных воспоминаний.

Неджи остановил отец, и Хината впервые увидела, как человек корчится в муках, как кричит от невыносимой боли, как сияет на лбу бедняги салатовая Печать Хьюга.

Сегодняшняя встреча с врачом не вызвала такого ужаса, как от вида кричащего двоюродного брата, но ощущение своей ущербности было. Слабость, неумение, неполноценность...

Хината вздохнула, грустно смотря в собственные глаза, и медленно свела брови к переносице.

— Обычно Бьякуган пробуждается, когда носителю три-четыре года. Но Хинате уже пять

лет.

Она напряглась, сосредоточилась, коснулась собственной чакры, и родная энергия медленно потекла к глазам. Говорили делать именно так, но Бьякуган ещё ни разу не откликнулся на её попытки, поэтому игры в прятки с другими Хьюга для неё были сложными, а для них — скучными.

— Хината-сама, вы слишком долго ищите! — однажды, не сдержавшись, воскликнула Хибики-чан. — Скучно, когда у воды нет Бьякугана... Ой, — спохватилась она. — Простите, Хината-сама!

Хината только виновато улыбнулась в ответ, извиняясь за свой недостаток. Воспоминание мигом сбило настрой, и чакра хаотично растеклась по телу, отливая от головы. Вот опять! Опять чакра её не слушается... Разочарованно вздохнув, наследница Хьюга встала с кровати, положила зеркальце на стоящую рядом тумбочку и залезла под одеяло с намерением уснуть.

Ночь уже давно окутала клановое поместье сонливой тишиной, но Хината до сих пор не ложилась, взволнованная словами отца. Иногда казалось, что он с нетерпением поглядывал на беременную маму, словно хотел заменить своего первенца кем-то поталантливее, и при мысли об этом душила такая обида, такая горечь от собственной слабости, что Хината, не выдерживая, плакала по ночам, пока никто не видит. Не видит...

У Хинаты не пробудился Бьякуган, и она ещё не умела чувствовать взгляд глаз её клана. Но однажды к своей дочке пришла, поглаживая ладонью живот, мама, первая куноичи Хьюга и самая добрая женщина из всех, кого знала маленькая наследница. Хината попыталась незаметно вытереть слёзы, вспоминая слова отца: «Шиноби не плачут. Шиноби клана Хьюга — тем более», — но мама села совсем рядом и мягко, с волнением в голосе спросила:

— Что случилось, Хината?

Девочка не смогла промолчать и смущённо, чувствуя себя настоящей гадиной, опустила взгляд на мамин живот.

— Просто... Просто сестрёнка... — больше с её губ не слетело ни слова. В горле встал ком. Воздух словно заперли внутри, и Хината судорожно открыла рот, точно задыхаясь, а глаза вновь обожгли горячие слёзы.

— Хината, — обняв дочь, прошептала мама, и разом стало теплее, уютнее. — От того, что родится Ханаби, ты не перестанешь быть нашей с Хияши-сама дочерью. Не выдумывай всякие глупости, девочка моя.

Стыдно было признаться, что волновало Хинату не это. Она не ревновала родителей к младшей сестрёнке, которую ждала с таким же нетерпением, что и мать с отцом. Беспокоило другое.

Моргнув несколько раз, чтоб прогнать образы из прошлого, Хината быстро помотала головой. Нет, она уже переросла это! Ведь Ханаби ни в чём не виновата, она ещё даже

не появилась на свет! Мучимая этими мыслями, девочка долго ворочалась в кровати, искала удобную позу, всё никак не находя её, и лунный свет, проникающий сквозь оконные фусума, расписанные ветками цветущей умэ, казался слишком ярким. Всё казалось слишком ярким.

Откуда-то из центральной деловой части донеслись мелодии — кто-то играл на струнном инструменте, из головы вылетело его название. Хината повернулась к дверным створкам спиной и подтянула одеяло повыше, словно пытаясь отгородиться от неуместных ночью звуков. Но мелодия — звонкая, переливчатая, чистая — от этого только налилась силой, стала громче. Недоумевая, Хината села на футоне.

Футоне? Почему она на футоне? Ведь уже год как спит на кровати... Ничего не понимая, Хьюга внимательно оглядела своё ложе — то самое, на котором нежилась раньше. Яркое, насыщенного тёмно-синего цвета одеяло с вышитыми тут и там гербами клана — с нижней стороны было совершенно белым. Подушка же, как и простынь, показалась девочке белоснежной: не белой, не сероватой в царящем вокруг полумраке, а именно белоснежной! Лунный свет заливал комнату, и воздух показался неожиданно прозрачно-серебряным, хрупким, словно его можно коснуться, как холодной родниковой воды.

Сверху раздалось лёгкое шуршание, будто кто-то отодвинул потолочную плитку в сторону, и Хината задрала голову, тут же увидев спрыгивающего на пол мужчину в чёрном, лицо его прятала матерчатая маска. Кто это такой?! Испуганная, девочка вылетела из-под одеяла, чуть не упала, споткнувшись об него, и резко развернулась к незваному гостю. Тот медленно выпрямился, показавшись каким-то чудовищем из сказок, и совсем недобро проговорил:

— Ты должна была спать, наследница клана Хьюга.

— К-кто вы так-кой? — дрожащим голосом спросила Хината, чувствуя, как подкашиваются колени и сбивается дыхание. Её же обычно охраняли, почему же сейчас никто не спешит на помощь?

— Неважно, — бросил враг и кинулся на неё. Та вскрикнула и, прежде чем успела подумать, нанесла удар правой ладонью.

Рука врезалась в крепкую мужскую грудь, отдача болью прошла до локтя, и Хината спешно отступила. Противник схватился за грудь, посмотрел на девочку бешеными глазами, и страх захлестнул её с головой. Что же делать? Что ей делать? Тело не шевелилось, хотя хотелось бежать отсюда куда подальше. Голос словно пропал, хотя Хината и пыталась закричать. Била сильная дрожь, и от этого становилось ещё и стыдно — она же Хьюга! Хьюга!

Незнакомец вновь бросился к Хинате, и страх на этот раз заставил дёрнуться в сторону, перекатиться через голову, спешно подняться на дрожащие ноги. В лунном свете сверкнула сталь: враг вытащил кунай. Чёрт! По щеке скатилось несколько слезинок. Хината была здесь совершенно одна, и никто не придёт к ней на помощь. Мать носила под сердцем Ханаби и не могла драться, а отец ждал вторую наследницу, ведь первая его разочаровала. Хинату никто не собирался спасать. Она была здесь совершенно одна.

Ей никто не поможет!

Противник раздражённо прошипел что-то неразборчивое и метнул в девочку кунай, она, не успев удивиться, отбила его джуйкеном — прямо как отец! — а в следующий момент враг оказался совсем рядом, и Хината испуганно шарахнулась назад, споткнулась, не удержала равновесие и упала, больно стукнувшись локтями и копчиком. Стоявший перед ней мужчина казался чёрной, надвигающейся на беззащитную девочку горой, опасной, смертельно опасной! Встать девочка не успевала, противник медленно замахивался для удара, наверняка точного и быстрого, и внезапно пришло холодное, жуткое понимание: Хьюга Хината могла умереть. Страх словно застыл ледяной глыбой, сковав тело ещё сильнее.

Хината моргнула. Картинка перед глазами не изменилась, только двигался противник до странности медленно. Стук сердца грохотал в ушах, заглушая все другие звуки. Чакра яростным потоком метнулась к голове, к глазам, но Хината почти не заметила, не в силах отвести взгляда от наступающей смерти. К ней приближался плотно сжатый кулак — это гибель, самая настоящая.

Хината моргнула.

И с вскриком откатилась в сторону, ужаснувшись тому, что увидела. Поднялась на четвереньки, широко распахнутыми глазами глядя перед собой. Неуклюже встала на ноги и, спохватившись, торопливо повернулась к врагу. Хинате и поворачиваться не надо было — она его видела, даже когда секунду назад стояла к нему спиной.

Голова закружилась. Мир чёрно-белый. Хината видит то, что у неё за спиной, как если бы это было перед глазами. Видно даже то, что под землёй: как копошатся в почве черви, как крадётся от крыльца к обедающей мышке кот, как... И то, что над потолком, немного видно! Пустота от потолка до крыши с изящно изогнутыми коньками, занятая парой птиц, свивших там гнёзда. Противник же замер в шаге от Хинаты, внимательно, немного удивлённо, как-то строго глядя на неё, и вдруг стал отцом.

Вздвогнув, наследница Хьюга помотала головой в попытке прогнать наваждение, но образ главы клана рассеиваться не спешил.

— Хияши-о-тоо-сама*? — неуверенно позвала его Хината и услышала ответ родным голосом:

— Хината...

Собственное имя громом отдалось в голове, и маленькая Хьюга... проснулась.

Но мир остался чёрно-белым. Сквозь пол было видно землю, а сквозь стены — соседние комнаты и спящих там близких родственников, приехавших погостить. Сквозь потолок было видно крышу и заходящие в поле зрения беспокойные от ветра ветви деревьев. Только всё стало чёрно-белым, причём светлое, наоборот, приняло тёмные оттенки. Это было... необычно. Пугающе необычно. Хината лежала ни жива ни мертва и боялась даже дышать, широко раскрыв глаза и вбирая в себя, пытаясь запомнить чёрно-белые краски только что открытого мира без преград.

А её, Хинаты, собственное тело? Эта мысль словно разбудила её, заставила сесть, опустить голову, чтоб посмотреть на свои руки — и Хьюга поняла, что могла даже не двигать головой: всё равно видно. Тёмная кожа, тёмная юката, хотя раньше одежда была светлой. По телу пробежали мурашки, и Хината не знала, от холода ли. Сквозь кожу проступили кости, и девочка шарахнулась от своих рук назад, бухнувшись на подушку.

И пришло осознание, что же с ней произошло. Ей рассказывали об этом много раз. Обзор в — триста пятьдесят? триста шестьдесят? семьдесят градусов? Ну, то есть всё кругом видно! Она слышала это от отца, от матери, от гувернантки, от учительницы чтения, письма и счёта, от детей, с которыми играла в прятки. Никаких сомнений, это... это был...

Это был Бьякуган!

Но только-только возникшую радость вновь затопил страх. Все дети говорили, что иметь Бьякуган — это нечто непередаваемо особенное, но сейчас Хината чувствовала только, как ей страшно. Хотя при этом был и интерес, мучительно сильный и мучительно пугающий.

— Нет, — шепнула себе Хината, медленно садясь на кровати — уже не футоне. — Нет. Я — Хьюга. Я — Хьюга.

Она, правда, совершенно не чувствовала себя Хьюгой, не чувствовала себя сильной, гордой, способной на всё и величественной, как отец. Маленькая хозяйка кланового додзюцу медленно сжала в кулачках одеяло.

И, юрким сюрикеном вылетев из кровати, поспешно надела тапочки и побежала к маме. Чёрно-белые краски преследовали Хьюгу, несколько раз она с непривычки запуталась и свернула в противоположную сторону, а когда поняла, что ошиблась направлением, помчалась обратно. Сердце билось часто-часто, стук этот заложил уши, Хината ничего не слышала, только искала взглядом — как странно-то, как странно — маму.

И преследовал страх. А если она больше никогда не сможет перестать смотреть Бьякуганом? А если это навсегда?! Не хотелось всю жизнь смотреть на мир вот так!

Это ведь был мир без цветов, без красок, только с оттенками серого...

Всхлипнув от ставшего ещё сильнее страха, Хината влетела в родительскую спальню, на кровати в центре которой лежала лишь спящая мама. Отца не было. Дочка почти подбежала к кровати, но на полпути резко сбавила шаг — нельзя же вот так нарушать чужой покой... Воспитанные дети так не делают. Замявшись, Хината вперила взгляд в пол, стукнула кончики указательных пальцев друг о друга, изо всех сил стараясь унять бешено колотящееся сердце.

— Хината? — мама открыла глаза и медленно села. — Что ты... Хината?!

Вдруг мама, словно что-то поняв, вскочила с кровати, подбежала, придерживая живот, к дочери, села перед ней на корточки, и Хината очень близко от себя увидела широко

распахнутые глаза матери — такие же, как её собственные, без чёрной точки в середине — зрачка.

— Мам, — неуверенно позвала девочка. — Я... У меня...

— Бьякуган... — всё ещё поражённая, выдохнула мать. — Хината, не плачь, — она мягко взяла в ладони личико дочери, стёрла большими пальцами сорвавшиеся с ресниц слезинки. — Всё хорошо. Мы поможем тебе вернуть обычное зрение, деактивировать Бьякуган. Но если он у тебя пробудился, значит, тебе надо научиться им управлять. Как мы с отцом.

Всхлипнув снова, Хината нервно кивнула и, когда мама отняла от её лица ладони, поднесла пальчики к глазам, потрогала сосуды, не решаясь, несмотря на любопытство, на них нажать. Потом снова посмотрела в глаза матери, с ласковым участием глядящей на испуганную дочь, и, набравшись смелости, тихо попросила о зеркале. Захотелось увидеть, как выглядит она с Бьякуганом. Мама улыбнулась, мягко сказав подождать, и медленно встала с корточек. С Ханаби внутри неё, наверное, было тяжело двигаться. Из любопытства Хината направила взгляд в мамин живот, но тут же раздался окрик:

— Хината!

— А? — вздрогнула она.

— Не надо смотреть на Ханаби Бьякуганом, — уже ласковее сказала мать, доставая из шкафчика зеркальце, а затем развернулась к своему первенцу, протянула ей предмет. Хината взяла зеркало в руки. — Неосторожное воздействие чакрой может причинить ей боль.

— А-а-а... Хорошо, — кивнула девочка, чувствуя себя до жути виноватой. И всё же взглянула наконец в зеркало, хотя уже видела своё отражение — это так странно, видеть, не направляя взгляда...

В зеркале от её глаз ветвились крупные сосуды, становящиеся чем дальше, тем тоньше. Взгляд Бьякугана стал ещё более пустым, чем обычно, но Хинате это понравилось. Она несмело улыбнулась своему отражению. *Бьякуган — улучшенный геном клана Хьюга, тайная сила, которая передаётся из поколения в поколение, от отца к сыну, от матери — к дочери.* Хинате, конечно, исполнилось уже пять лет, и додзюцу с пробуждением запоздало, но, выходит, нет у маленькой Хьюги никакого дефекта, что бы это слово ни значило. Нет его!

— Пойдём, Хината, — улыбалась дочке мама. Девочка прекрасно видела её лицо, хотя всё ещё смотрела в зеркало. Пора... Пора привыкать к этому. Взглянуть сквозь зеркало, кстати, не получалось. — Покажем тебя Хияши-сама. Ему понравится.

Подняв голову и посмотрев матери в глаза, Хината кивнула и протянула ей зеркало. Мать вернула его на место и вместе с дочерью, взяв её за руку, вышла из комнаты. Девочка шла по собственному дому, разом представшему её глазам в совершенно другом свете. Интерес ради Хината попыталась найти отца, обшарила взглядом ближайшие комнаты... а вот дальше уже ничего не видела — темнота, пустота, неизвестность. Но рядом с мамой девочка чувствовала себя в полной безопасности. Страх отступил.

Когда мать и дочь заходили в кабинет, чтоб через него попасть в другую спальню, где

после тяжёлого рабочего дня временами ночевал отец, в голове эхом раздались воспоминания.

— Обычно Бьякуган пробуждается, когда носителю три-четыре года. Но Хинате уже пять лет.

Хината поёжилась, немного ссутулилась, пытаясь стать маленькой-маленькой, чтоб её не заметили. Но мама крепче сжала её ладошку в своей, и девочка немного приободрилась. Отец спал, устроившись на боку и откинув за спину длинные волосы, которые его наследница так любила перебирать пальцами. Две Хьюги приблизились к дверям, осторожно раздвинули створки в стороны, и в этот миг отец открыл глаза и медленно, даже сейчас не теряя величия и достоинства, сел.

— Хисана? — вопросительно посмотрел он на жену, затем — на дочь. — Хината? — спустя секунду он негромко сказал, чуть вскинув брови: — Бьякуган.

— Да, Хияши-сама, — кивнула мама, задвигая за собой расписные фусума, и повернулась к мужу: — Бьякуган.

— А как... А как перестать?.. — неуверенно поинтересовалась Хината, крепче сжимая мамину ладонь. Отец спустил с кровати ноги, легко надел тапочки и махнул рукой, подзывая к себе:

— Подойди.

Несмело, Хината подошла и робко улыбнулась, чувствуя, как румянец залил щёки. Ведь у неё пробудился Бьякуган. У неё пробудился Бьякуган!

Отец применил собственное додзюцу, и Хината неожиданно сильно почувствовала, как его чакра направилась в её глаза, внутрь её тела... Так вот как ощущается взгляд чужого Бьякугана. Чакра отца ярко сияла в верхней части его головы, как наверняка и у неё самой. Глава клана Хьюга сосредоточил чакру в кончиках пальцев и поднёс их к вискам дочери, та на несколько мгновений зажмурилась от испуга. Чего она испугалась? Хината и сама не понимала. Отец коснулся её висков и мягко надавил, помассировал круговыми движениями, и чакра прекратила давить на глаза. Девочка расслабилась, чёрно-белый мир, сменившись тьмой, исчез, а когда она не без опаски открыла глаза, то с удивлением и радостью заметила, что цвета вернулись.

Отец отнял от головы дочери руки. Хината задрала голову, посмотрела ему в глаза: сосуды на его лице вернулись под кожу, скрылись, а Бьякуган стал обычным.

— Завтра начнём тренировки, — отец улыбнулся ей.

А ведь улыбался он очень редко, потому каждое такое событие было для Хинаты особенно ценным. В груди разлилось горячее тепло, и, казалось, Хьюга-младшая сейчас заплачет, но она сдержалась.

«Шиноби не плачут. Шиноби клана Хьюга — тем более».

Незачем прогонять с лица отца улыбку. Хината робко улыбнулась в ответ.

Примечание к части

*«о-тоо-сама» — очень уважительное обращение к отцу.